

Алина Скво

СТОЛПНИК
И
ЛЕТУЧИЕ
МЫШИ

Annotation

Что остаётся делать молодому отшельнику, если змей поганый губит всю округу? Сможет ли столпник отринуть религиозные догматы и стать настоящим борцом за освобождение Руси? Несмотря на то, что меч кладенец давно проржавел, последнего коня буланого ещё в Великую Отечественную задрали на мясо, а единственный богатырь – кузнец из соседней деревни боится даже мышей, столпник при всех отягчающих обстоятельствах включается в опасную операцию по ликвидации гада. Не случайно на своём пути он встречает постоянных представителей Межгалактической Организации по устранению сил тьмы на Земле. Одолеет ли несостоявшийся монах врага человечества? Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок.

Алина Скво

Столпник и летучие мыши

Посвящается Отцу

Глава первая

Со дна ущелья до ушей столпника долетел тревожный, как голос заблудившегося грибника, теноровый вопль. К отшельнику взывал игумен Порфирий – настоятель мужского монастыря, что близ деревни Разумихино.

– Э-эй! Симеон Неправедный, окаянная твоя душа! Ну-тка спускайся вниз, кому говорено! Негоже тебе своевольничать без благословения мово! Пошто срамишь святую обитель нашу выкрутасами забубёнными!? Эк ты своим отшельничеством братство-то взбутусил!

Столпник – послушник двадцати двух лет от роду – кинул вглубь, туда, где находился брат во Христе, взгляд полный презрения. Рядом с тонким ручьём, разделяющим, точно пробором, травянистую растительность надвое, угадывался силуэт игумена в виде пухлой чёрной козявки. Нависающие по обе стороны над ним громады скал царапали небо рваными вершинами гор. Где-то в облачной выси, на каменном острие, как вошь на гребешке, сидел Симеон по прозвищу Неправедный. Так его окрестили братья монахи после того, как он заявил им, что не считает себя рабом Божиим. Что он, – молодой послушник, – есть никто иной как чадо Его. И что Он – его, Симеона, настоящий Отец. От такого заявления по обители прошёл ропот. Чернецы гомонили, а трудники лишь молились, помалкивая. Вскоре мятежный брат самовольно и неразумно по младости лет, не будучи иноком, вознамерился стать столпником. И ладно, если бы плоть усмирять. Но нет, цель у Симеона была другая.

Уже почти четыре месяца он, подобно великим святым, торчал торчком на остром каменистом огрызке, где было ни сесть, ни лечь, с великой миссией: вымолить у Бога защиту от поганого змия, ворующего в деревнях прекрасных дев и сжигающего посева. Гад поливал поля огненной блевотиной столь обильно, что от урожая ничего не оставалось. Девки дрожали и чахли от страха. Из года в год крестьяне страдали и слёзы лили, а погань змеиная крепчала и лютовала всё сильнее.

От бандитских налётов не помогали ни молитвы монастырских обитателей, ни заклинания ворожеек. В постах, власяницах, веригах и курениях не было никакого проку. Бог не слышал стенаний и воплей славян. Тогда Симеон Неправедный решил, что сможет достучаться до Всевышнего, если полностью отрешится от земных благ. И вообще, на горной вершине разговаривать с Богом сподручней. Ближе как-то. Он уже представлял себя Моисеем на Синае. Вот-вот Небеса распахнутся, и на него хлынут подробные Господни наставления по избавлению от врага. А может Отец самолично расправится со злодеем в знак благодарности за Симеоново подвижничество. Лёгким движением перста Всемогущий Бог лишит тварь зелёную огнедышащей главы. В доказательство того, что Милостивый не оставит в нужде Своего преданного сына, послушник взлез на самую высокую скалу и там уединился. Даже тонкой верёвочки сверху не спустил, чтобы миряне не могли через неё передавать ему кринки с молоком и хлебы, как это делалось для иных столпников.

Неправедный вынул изо рта крупный камень, который он там держал, чтобы не осквернять себя пустыми разговорами с бабами, время от времени возникающими у его столпа.

Разумихинские крестьянки кланялись отшельнику в пояс, как святому, и, сложив ладони, тихо лопотали. Послушник сердито поворачивался к молитвенницам спиной. Бабы, потоптавшись у подножия скалы и повздыхав, удалялись. А столпник усаживался в обжитую

вулканическую выемку и продолжал глядеть на туманный скальный пейзаж. Он непрестанно молился и думал думу о том, как изничтожить гада. Так в абсолютном уединении проходили дни и ночи, никто не заговаривал с отшельником и не донимал как-то иначе. И вдруг его одиночество самым наглым образом было осквернено настоятелем, которого Симеон с недавних пор не считал выше себя или кого-либо из братьев.

Заслышав голос Порфирия, Симеон сплюнул вниз и, с предосторожностями наклонившись над ущельем, крикнул молодецким зычным баритоном:

– Поди прочь! И не тревожь меня, Порфирий, до той поры, пока Всемиловитый не услышит моих молитв, да не вырвет змеиную голову с корнем! Или не даст мне откровений Своих!

Игумен потряс над лохматой головой посохом.

– Ах, ты, дурья башка! Душонка твоя несправедная! Неужто не знаешь, что взамен одной, у змия вырастает сразу три главы?! Аль ты думаешь, что по своему велению, да по собственному хотению, аки по волшебству, сумеешь гидру одной молитвой побороть?! Аль не ведомо тебе, что для ратного дела надобен меч-кладенец и конь буланый? Да ещё богатырь русский. Где ж их взять?! Молчишь? То-то... Повелеваю тебе немедля спускаться наземь да приниматься за полевые работы! Каждый выдень¹ ой, как дорог! Огурчики надобно собрать да на зиму засолить! Всем миром пойдём по ягоды-грибы! А рожь гад поганый спалил всю подчистую! Неурожай хлеба будить ноне!

Симеон широко, так что челюсти хрустнули, разинул рот и запихнул в него кусок доломита с рваными краями. Камень повлёк внутрь растительность лица, выдирая волосины. Столпник закрыл рот, и кристаллы горной породы жестоко впились в дёсны. Неправедный остался этим доволен. Он по-настоящему был рад, когда к нему, как разбойники с большой дороги, подступали испытания. Тогда он с ними бился, противопоставляя силу и волю. Был Симеон хоть и гол, как сокол, но остёр, как топор.

В горах часто бушевало ненастье. Дожди остервенело секли тело нагайками. Дневной зной медленно поджаривал мозги. Ветры порою трепали так, что Неправедный, облепив руками и ногами каменный уступ, отдавал все силы, чтобы не быть оторванным от своего столпа и не улететь во мгlistую даль гор, подобно осеннему листу. Подрясник и срачица² так истрепались, что свисали с молодца клоками и во многих местах срамно просвечивали.

Послушник не желал более смотреть вниз, на козявочные шевеления игумена, и воззрился в высь. «Какое оружие может быть вернее Слова Божьего?! Убирайся восвояси, маловерный монах! Чем оправдаешься на Судном дне?! Ведь Он всё слышит, и всё в Его руках!» – бранил Симеон наставника про себя. Голос на дне не унимался. Он имел отличную слышимость, устремляясь из узкой трубы ущелья прямо в уши парню:

– Сёмка!.. А, Семён?! Идём домой! Скоро Спас, яблочки кушать будем... А то, ить, ококовеешь в зимку-то! Без братства пропадё-о-ошь!

«Яблочки!.. Ни стыда в тебе Порфирий, ни совести! – вскипел гневный возглас в голове Симеона. Он сильнее сжал волосатые губы и нахохлился, – Небось не ококовою по Божьей милости». Наставник не унимался, продолжал подначивать столпника, но уже более миролюбиво:

– Помочь твоя надобна братьям. Где брёвнышко подтолкнуть, где камушек подпереть. Церковку без тебя никак не достроим. Уж и колокол вылит, а колокольни нетути.

«А и без церковки хороши будете. Христос сказал, что Царствие Божие внутри нас есть», – хотел ответить столпник, но язык был крепко придавлен каменным кляпом. Игумен

постоял, помялся, как нищий у господских покоев и, не дождавшись ответа, присел на валун. Он отринул от себя посох, подпёр ядрёные щёки пухлыми кулачками и, вздохнув, сказал негромко, с расстановкой уже не тому истрёпанному упрямцу и молчуну, что отдалился от мира на высоту в сто сажений, а всеобъемлющей горной дымке, единственной, способной впитать в себя горькие деревенские новости:

– Э-э-эх-х-х... Дураку хоть кол теши, он свои два ставит... Девки-то теперича по воду не ходют... На улицу носа не кажут, на игрищах не гуляют... А вчерась... Марфу...

– Что?! – истошно заорал Симеон и подскочил на месте, как ужаленный. Он так поспешно выдернул камень, что кровь изо рта резво брызнула на бороду.

– Уволо-о-ок, – завыл Порфирий и упал щекастым лицом в широкие рукава.

Два брата молчали в отдалении друг от друга, накрепко спаянные бедой. Один, всхлипывая, лил слёзы. Другой тяжело дышал, выдувая кровавые пузыри. Тупо глядя вниз, отшельник наблюдал, как чёрная козявка отлепилась от валуна и, тыча в грунт палкой, медленно поползла по дну ущелья прочь. Потом Неправедный зло швырнул вслед исчезающей вдали чёрной крапинке окровавленный камень, и его звонкий шлепок обозначил точку в мужском разговоре.

Симеон стоял столбом на своём столпе и пытался осознать происшедшее, но все мысли разбежались. Это спасло послушника от поражения ума и сердца. Он не желал верить, что гад украл лучшую девушку в Разумихино. Красота и доброта Марфы были всеобщей гордостью. Единственная дочь пасечника, девица осьмнадцати лет обладала небесной красою. Местные парни, знавшие девчонку, что называется, от горшка, по привычке к её совершенству и принимали, как должное, хотя и побаивались смотреть откровенно. А вот заезжих молодцев при виде ангела, спустившегося на землю, так прошибало, что прямо дух из них – вон.

Симеон любовался Марфой с той же нежностью, с какою созерцал розовые пёрышки рассвета над влажными пашнями; голубые соринки незабудок в травянистом руне; солнечных зайчиков на зелёном шёлке ставка; хрупкого жеребёнка, приклеенного к молочной материнской торбе; агатовое дно колодца с масляным пятном луны. Всё великолепие земное, вызывающее у Симеона тихие слезы счастья, теперь, без Марфы, представлялось ему ущербным, даже жалким. И, хотя монах не видел девушку уже около четырёх месяцев, вплоть до сегодняшнего дня он был покоен мыслью, что мир совершенен благодаря светоносному девичьему бытию.

Когда она не шла – шествовала с коромыслом на плече, в избяных окнах зажигались белозубые, щербатые, пухлые и морщинистые улыбки деревенских трударей. Детвора, коты и собаки кружили у её ног. Коровы на лугу тянули навстречу ей липкие губы, и жестяные колокольца на сытых выях возбуждённо звякали. На том месте, где девица заставляла парней, они замирали и падали в синюю пропасть её очей. Руки выпускали уздечку, сеть с уловом валилась в реку, в кузне угасал огонь. Здороваясь со встречными, дева сгибалась в поклоне лебединую шею и льняная, тяжёлая, точно корабельный канат, коса, совершала медленный качок...

...Симеон, скрючившись, лежал помятой мошкой на дне ложбинки ни живой, ни мёртвой. С тех пор как его пронзила страшная новость, он ни разу не помолился. Вместе с каменным кляпом, улетевшим в пропасть, улетучилась и его железная уверенность в том, что он чадо Божие. «Нет, видимо я такой же раб, как и все, раз Он не ответил на мои молитвы. Кто Он на самом деле, Отец или рабовладелец?» – задумался парень, но эта жуткая

кошунственная мысль не вызвала у него слёз. Он мог плакать только от прекрасного, а от страшного, болезненного или мучительного он лишь ожесточался.

Что такое рабство, Неправедный не ведал, поскольку русичи жили на господских вотчинах вольно, исправно платя подати за пользование землёй. Но из тех заморских книг, а также старинных свитков, которыми игумен Порфирий правдами и неправдами пополнял монастырскую библиотеку, Симеону было известно, что рабство было и на русской земле, захваченной Батыем, и в Риме, и в Египте, и в Индии, и в Китае, и в других государствах. Само только слово «раб» выводило послушника из равновесия, даже если этот раб – Божий. Чтобы злость не накапливалась, столпник поменял направление мысли. Стал думать о Марфе, о том, какая она чудесная и о том, как бы её освободить из гадючьих лап.

Этой ночью Симеон не спал. Не хотел, вернее, не мог смотреть один и тот же сон о сочных курниках³, жирных колбасах, прохладном монастырском квасе, яблочной пастиле или ещё о чём-либо съедобном, искушающем его бессознательную плоть. Днём думы о снеди он гнал прочь усилием воли. Ночью же, когда отшельник за себя не отвечал, поварские видения овладевали им всецело. Во сне он поглощал одно блюдо за другим: ботвинью⁴ с луком и кореньями, тельное⁵, подовый⁶ пирог с зайчатинной, шанежки⁷, оладушки с ореховым маслом, хворост⁸, утку с яблоками, жареного поросёнка. Лил в бездонное горло бочонками сыть⁹, морсы, меды. Наутро есть хотелось смертельно. Отшельнику казалось, что в брюхе у него разгуливает стая вечно грызущихся голодных волков, готовых пожрать и друг друга, и его самого.

Симеон считал, что Всевышний дал ему всё – жизнь, крепость тела, здравый ум, поэтому для себя ничего никогда не просил. Он стойко переносил невзгоды, щедро сыпавшиеся на него, и считал, что без испытаний никак нельзя. С самого рождения он жил в городе, в белой слободе, в просторной добротной избе с отцом, матерью и двумя старшими сёстрами-близняшками. Тяглом семья не была обременена, держалась за общину и горя не знала. Отец слыл знатным плотником, сильным был и смелым. Погиб на пожаре, вызволяя из горящих изб баб и ребятишек. Матушка после того занедужила и вскоре померла от сердечной болячки. А близняшек барыня забрала к себе в услужение. Так восьмилетним пацанёнком он лишился семьи.

Потом Сёма два года мыкался у двоюродного дядюшки на конюшне. Зажиточные родичи и на порог не пускали. Работать заставляли от темна до темна, кормили объедками, с сестрицами встречаться не давали. Чтобы с ними повидаться, убегал к господскому двору, за что не раз был бит розгами. Девушки часто и сами приходили проведать братца, приносили гостинцы, обнимали его – оборванного, худющего, в синяках. Плакали, причитали, увещевали «седьмую воду на киселе». В ответ упыри только гнали их со двора, обзывали неблагодарным отребьем.

Но не бывает худа без добра. Забрёл как-то на дядькино подворье старец, паломник из святых мест. Увидел он Сёмкину беду и увел сиротинушку безлунной летней ночью с собою. Так мальчонка попал в скит, и жизнь дивным образом переменялась. «Всё-таки любит меня Отец, озаботился моей судьбой, определил место в жизни. Он и сейчас не забывает меня, посылает всё необходимое по моим потребностям», – думал монах, блаженно улыбаясь. Свернувшись бубликом на каменной постели, он каждой косточкой истощавшего торса чувствовал отеческую опеку.

И, таки да, попечение регулярно изливалось с небес. Стоика так прополаскивало

ливнями, что и бани не нужно. Пил он дождевую воду, припадая к углублениям камней. С едой, правда, было похуже. Приходилось проявлять силу воли, чтобы не выть от голода. Но когда живот начинал присыхать к позвоночнику, случалось чудо. То ястреб ронял над столпом цыплёнка, то ворона швыряла орех. Одна летучая мышь повадилась приносить ему змеиные яйца и молодых крыс. А однажды туча пролетающей мимо саранчи задела хвостом скалу и прямо-таки завалила отшельника пропитанием. Он и этому был рад несказанно. Всем известно, голод не тётка – пирожка не поднесёт.

Симеон открывал матушкин подарок – медальон с замочком, внутри которого сиял золотой лик Иисуса. В одну из створок было впаяно крошечное зеркальце. Им голодающий ловил и направлял солнечный луч на любую живность, ниспосланную свыше. Продукт шипел, пищал, лопаюсь на сочном брюшке, распространял вонь палёных перьев и шерсти, но в итоге хорошо прожаривался и отправлялся в жадный рот. Только одна проблема вызывала у столпника неудобство и даже стыд – естественные отправления. На глазок изучив узкие скальные щели, уходящие в немыслимую глубину, отшельник выбрал одну из них, полагая, что на дне бездны отходы его бытия потеряются без следа.

– Опять пыжится засранец.

– Мими, порой ты бываешь весьма груба. Не называй мужчину засранцем.

– А ты, Лили, не заступайся за него. Он весь северный проём загадил. Да ещё Фру, неугомонная, помогает ему в этом деле, всё жратву таскает на утёс. Вот если бы ты не была моей сестрой, я бы и разговаривать с тобой не стала... Подумай, какой он мужчина? Это же... столпник. Хи-хи-хи!

– Зря ты так. По мне так он очень даже хорош. Нужно уметь разглядеть в грязи бриллиант. А что гадит в северный проём, так это нам даже на руку. Ты забыла, как северяне нашим пажам копчики пооткусывали? Пришлось бедолаг пустить на дрова. Я после прошлогоднего крысиного нашествия полгода не могла спать спокойно.

При воспоминании о пажах, попавших крысам на зубок, и о том лёгком звоне, который издавали их сухие невесомые трупки, когда падали в костёр, Мими сделала скорбные глазки. Она горестно взмахнула лапками-крючками, прозрачные перепончатые крылья распахнулись над пушистой спинкой веером и задрожали. В крошечной тьме скального уступа притаились две ночные охотницы. Они планировали осуществить нападение на колонию скальных тараканов. Погода была лётной, воздух – сухим, небо – белёсым от звёзд. Мими стрекотала сквозь слёзы:

– Не будь мы летучими мышами, вмиг разобрались бы с этим крысиным отродьем! Просто мясное нам противопоказано. Только напрасно ты думаешь, что человеческое дерьмо может повредить этой нечисти. Разве ты не знаешь, что они им питаются?

– Крысы питаются поповским дерьмом, но не монашеским.

– Лили, ты сегодня, как никогда, склонна к интеллектуальным беседам. Хи-хи-хи!

– Ха-ха-ха!.. А вот и Фру. Где была, сестрица? Мы тебя заждались.

Послышался всплеск крыльев и тоненький стрекот. Младшая из сестёр плавно подлетела к укрытию в скале, уцепилась за выступ и, вертя головой, нервно зачастила:

– Ах, девочки! Он такой несчастный. Не ест, не спит, грустит и молчит.

– Ну, предположим, есть рановато, ещё даже не рассвело. А для сна сейчас наступают самые сладкие часы. Так что не волнуйся, в пять утра заснёт как миленький.

Фру продолжала стрекотать, обнажая сахарные иглистые зубки, не слушая сестру:

– Сегодня приходил толстяк с золотым крестом на шее.

– Игумен?

– Да, наверное.

– И что?

– И теперь он не спит.

– Да нужен тебе этот отрёпыш! Через пару дней на нём ничего, кроме дыр, не останется.

Кстати, скоро придут новые пажи, те, которых я выписала ещё по весне. Тебе какие больше нравятся: кожаны, ушаны или листоносы?

– Ах, да, Мими, хорошо, что напомнила. Новую одежду для него я присмотрела у мельника в мансарде.

– Фру, будь благоразумной. Сегодня у нас по плану охота.

– Ну, Лили, милая, как же ему на змея идти? Гольшом что ли?..

– Ну, что может лежать хорошего на чердаке? Небось, какое-нибудь тряпье.

– Ладно, девочки, посмотрим, что там у этого жлоба на горнице¹⁰. Наверное, барахла столько, что уже нигде не помещается...

...Ещё до того, как петухи заголосили, поднимая молочниц на первую дойку, из-под крыши мельничьего терема вылетела и захлопала широкими, как рушники, рукавами, белая рубаха. Она понеслась через деревню в сторону скал. За ней последовали, пузырясь на ветру, штаны. То там, то сям было слышно, как на сеновалах сдавленно вскрикивают влюблённые парочки. Когда же при первых лучах зари в небо воспарили красные яловые сапожки, то вся деревня поднялась на дыбы. Бабы заверещали, заметались и попрятались на полатах. Мужики схватили вилы, выскочили во двор с белыми лицами и страшными глазами, закричали в небо: «Изыди, нечистая!..»

Глава вторая

...С утра Симеон во всём новом сиял, как свежая копейка. С неопишуемой радостью он клал поклоны и пел псалмы. Его детскую улыбку увлажняли тихие слёзы. Намедни он всю ночь не сомкнул глаз, печалуясь, а под утро задремал без сновидений. Пробудился, когда солнце уже начало припекать и... О, чудо! У изголовья он обнаружил аккуратно сложенную, совершенно новую одежду, какую носят только в Пасхальный день. Штаны из крепкого сукна были синие. Косоворотка из выбеленного льна просвечивала по краям прошвой. Горловина, окантованная кумачовой вышивкой, застёгивалась на перламутровую пуговку. А какие сапожки! Ну, прямо, царские: мягкие, просторные, пахнувшие свежей выделкой, тёмно-бордовые, с железными набойками и золотым тиснением по голенищу. Глядя на них, Симеон воскликнул праздничным голосом: «Вот как Отец меня любит! Все нужды мои восполняет. Теперь точно знаю, что сын я ему. Сын!» И слёзы радости резво покатались в пропалённую солнцем бороду.

Решение у молодца возникло такое же твёрдое, как уступ, с которым он за три с лишком месяца почти сросся. За время беспрестанной борьбы с погодной стихией мышцы его затвердели, что камень. Мысли набрали скорость катящегося с горы бульжника. Даже в его лазурном взгляде появился суровый доломитовый оттенок.

Симеон Неправедный мухой слетел на землю, оправил рубаху и задал было своим стопам направление в сторону соседней деревни, где жил кузнец-богатырь, гнувший подковы одним пальцем, – звать его на дело ратное. Но не успев сделать и шага, вдруг он обнаружил прямо перед собой трёх статных, белолицых, черноглазых красавиц. Девицы удивили столпника необычной для деревенской местности внешностью и большим сходством между собой. Он подумал, что у него троится в глазах от переживаний и рискованного спуска с горы.

Девы были одного роста, вокруг белых шей вились тёмные косы с алыми лентами. Их ладные фигуры облегали дорогие платья цвета грозового неба, тонкие талии стягивали красные кушаки, по широким подолам и рукавам вились лиловыми плетями замысловатые узоры. У каждой на указательном пальце правой руки было по яхонтовому перстню, а в волосах аметистовые, в виде бабочек, гребешки. Симеон поначалу растерялся, не зная, как держаться перед высокородными девицами. Он онемел, словно во рту опять каменный кляп вырос. Но, осознавая, что отшельнику не гоже подобострастие выказывать перед смертными, какого бы они ни были сословия, он уважительно, но и одновременно с достоинством кивнул девушкам господского вида. Те ответствовала ему глубоким поклоном, и Симеона это несказанно удивило, потому что बारे никогда не кланяются мужикам. Та, что была справа, сказала негромко и мелодично:

– Здравия Вам, добрый человек. Откуда путь держите?

Бывший отшельник, взглядом припав к лицу говорившей, поднял согнутую в локте руку и указал пальцем на небо:

– Оттуда, – сказал он тихо и не очень уверенно.

Девушка, что стояла посередине, сморгнула и, как показалось Симеону, насмешливо покривила пунцовые губы.

– А куда, если не секрет, Вы держите путь? – собеседница опустила взгляд с дремучей головы послушника на его сапожки и на миг обнажила яркие острые зубы.

Не ища ни внутреннего сомнения, ни внешнего подвоха, Симеон, как на духу, излил душу первому, кто захотел его изливания услышать. Про змия, про беды, чинимые им, про своё столпничество, про Марфу. Он не догадывался, что сёстрам, внимающим ему, все новости известны лучше его самого и что они давно за ним следят.

– Как зовут Вас, молодец?

– Мать с отцом Семёном записали. А братство кличет меня Симеоном Неправедным.

– А как Вас по батюшке?

– Филиппович.

– Очень приятно, Семён Филиппович. А мы – сёстры. Меня зовут Лили, я самая старшая, – девушка положила правую руку на сердце. Потом она тронула ту, что была посередине, – Это Мими – сестра средняя. А вот наша младшенькая – Фру.

Лили протянула ладонь, и узорчатый рукав распахнулся во всю ширь серо-лиловым крылом. Она посмотрела на сестру, и снова сверкнула зубами.

– Фру такая непоседа, никогда не застанешь её на месте. То она в горах, то в лесу, то на речке, то в деревне.

Девушка порозовела и склонила голову. Семён залюбовался ею, как цветком, и невидимая личинка закопошилась в его сердце. Он подумал, что никогда не видел этой девки в деревне. Почесав темя, озадаченный столпник поклонился случайным знакомым ещё раз, теперь уже в пояс:

– Откуда родом будете, красавицы? В нашей округе я таких, как вы, не примечал. Видать, из городских.

– А вот и нет. Мы здешние.

– Вернее сказать, вездешние. У нас повсюду есть места обитания, – прочирикала Мими, игриво моргнув агатовым глазом. Лили степенно кивнула. Фру поглядела украдкой.

В голове парня заворочались домыслы: «По всему видать, очень богатые эти сёстры, коли у них повсюду дома имеются. Какие у них чудные имена... И речь... Наверное, эти девушки – английские миллионщицы. Или французские. Но это не важно, потому что для Бога все равны».

Опасаясь выглядеть глупо, он не стал задавать вопросов, да и не пришлось, потому что Лили, положив белую руку на грудь, сказала душевно:

– Приглашаю Вас, Семён Филиппович, в нашу скромную обитель.

Яхонт на пальце вдруг закипел ало, распыляя свет, заморочил Семёну голову. Лили развернулась и с подолом в руках зашагала вдоль ручья. Остальные гуськом двинулись за нею. Вскоре, подойдя к трёхсаженному валуну, подпирающему скалу, девушка тронула глыбу перстнем. Та, разделившись на четыре равные доли, разверзлась, точно пасть исполина-паука, и выставила зубья торчком навстречу путникам. Чёрная дыра дохнула на Семёна могильной сыростью, неизвестность пришибла, и холодная, как талый снег, струя потекла по позвоночнику в праздничные штаны.

– Прошу, – сказала Лили, нарисовав рукою в воздухе хлебосольный жест.

Послушник застыл с открытым ртом, лихорадочно думая, что вот сейчас ему придётся войти в преисподнюю. Мельничьи сапожки, казалось, вросли в грунт, и ничто не могло бы сдвинуть парня с места, если бы Фру не тронула его ладонь. Столпник очнулся и решил, что если чему бывать, то тому не миновать.

– Лиха беда начало – есть дыра, будет и прореха, – Семён поглубже вдохнул и отчаянно шагнул внутрь.

Паучья пасть сомкнулась.

Они оказались в узкой кишке тёмного и холодного ущелья. Обрывы с обеих сторон вздымались так высоко, что было неясно, где их конец. Только голубая нить неба над головой давала Семёну надежду, что глубина горной трещины имеет предел. Удивляясь и ужасаясь, он шептал себе под нос: «Преисподняя. Как есть преисподняя...» Казалось, ещё недавно здесь разыгрывалось грандиозное трагическое событие. Толпящиеся в скорби большие и малые грешники были взболтаны, точно крупа в кипятке, и процежены через сито. Отверстия в камне, имеющие размеры греха невеликого, пропустили сквозь себя и далее, к небесам, мелких неправедников. Грешники же покрупнее застряли, да так и остались в стенах коридора. Семён, будучи молодцем не из робкого десятка, шарахался от окаменелых локтей, коленей, затылков, челюстей, торчащих из скальной породы, и истово крестился.

Лили не обманула: девичьи палаты оказались весьма скромными. Она вела группу сквозь круглые отверстия из одной пещеры в другую, потом в третью, и так далее. Каменные стены сплошь в рытвинах и зазубринах уходили ввысь, сливаясь в купола, снабжённые двумя, тремя или одной отдушной. Свет, солнечное тепло и птицы, проникая внутрь, немного оживляли мрак. Семён задумался, впервые сетуя на свою дремучесть: «Неужто горы, на которых я отшельничал почти четыре месяца, были полыми внутри? Воистину, чудны дела Твои, Господи... Ничего-то в жизни дальше деревни я не видел и ничего-то я не знаю...»

Четвёрка двигалась в полном молчании. Слышен был только далёкий птичий гам и шорох камней под ногами. Послушник представлял, что скоро они преодолеют внутренность горы, и перед ними явится дворец, либо терем. Ну, на худой конец, широкий господский двор. Но Лили вдруг остановилась посередине просторной пещеры, точно ей надоело бродить без цели. Симеон огляделся и не увидел ничего примечательного. Всё та же голая каменная внутренность, испещрённая нишами, лунками, козырьками и вертикальными бороздами. На миг парню показалось, что он внутри гигантского яйца, поставленного на «попку» и пробитого сверху клювами заботливых родителей, которые ждут не дождутся появления птенца. С небесной выси, точно глаза Бога, смотрели два продолговатых окна.

Старшая оглядела просторную «залу» и сообщила приветливым голосом: «Пришли. Располагайтесь как вам будет угодно». Она нагнулась и тронула пол кольцом. Тут же каменная плита, разделившись на четыре части, поехала в разные стороны прямо под ногами послушника, и тот, как перепуганный кот, наткнувшийся на змею, с воплем отпрыгнул прочь.

Таращась на могильную яму в полу, Семён наблюдал, как из прорвы восстаёт невиданных размеров великолепный, овальный, беломраморный стол и сообразно ему стулья с высокими гранёными спинками. Когда «явление стола народу» свершилось, Лили знакомым жестом пригласила всех занять места. Мими быстро прыгнула на стул с одного боку. Фру неторопливо уселась с другого, аккуратно расправив подол. Гость стоял в нерешительности.

– Что ж вы, Семён Филиппович, не присаживаетесь? Прошу вас отобедать с нами.

Хозяйка указала белой ладонью на место во главе стола, а с противоположного его края, напротив, разместилась сама. Осторожно примостившись на краешек стула, столпник подивился: «Никто и никогда ещё на «вы» и по имени отчеству меня не величал. Что бы это значило?» Но спрашивать было не с руки. Он вздохнул украдкой, засомневался, что пиршество состоится. Со дна пустого желудка до самого горла подкатило желчное раздражение: «Хорош обед, ничего не скажешь. На столе ни корки хлеба». Тут воображение

его разыгралось, он начал размышлять о том, сколь много разных кушаний могло поместиться на такой необъятной столешнице. В голове его, как и в прошлых видениях поплыли: прозрачное заливное, щи с клёцками, карпы в сметане, блины на масле с зернистой икрой, вареники с вишней, сбитень¹¹, молочный кисель и, конечно, монастырский квас с пенкой по краю ковша. Он вздохнул и подумал, что спит в каменной ложбинке на столпе и снова видит сон, в котором ему придётся без меры поглощать снедь, после чего голова гудит, как пустой жбан, а в животе волчья стая.

Минуты две все сидели молча. Сёстры, сложив на коленях руки и выпрямив спины, неотрывно смотрели на послушника. Тот, глотая голодные слюни, ощупывал взглядом пол, любопытствовал, как неподъёмная громадина могла выйти на поверхность. Лили и Мими смотрели на гостя с насмешливыми улыбками. Фру, хмурясь, поглядывала на сестёр укоризненно. Потом она демонстративно поднялась и, надув губки, легонько ткнула перстнем в центр стола. И снова Семён был ошарашен той же ловкой проделкой. Прямо перед его глазами обозначились и раздвинулись створки. На поверхность одно за другим выплыли и заполнили стол яства, о которых он только что мечтал и кои милы сердцу каждого русича.

Разнопёрая дичь на серебряных с бирюзой блюдах; пузатые медные енды¹² с медами; серебряные ставцы¹³, из-под крышек которых вырывался дух стерляжьей ухи; золотые резные стояны¹⁴, переполненные восточными сладостями. Вся столешница грянула царственным сиянием. Столпник заметно повеселел и потер руки, готовый вооружиться столовыми приборами. И, пока пиршество не началось, он, отбросив ложный стыд, полез под стол изучать механику. В тот же миг аромат кушаний вытащил его из-под стола за уши.

Помолившись, Семён принялся уминать угощение за обе щёки так одухотворённо, что сестры, глядя на него, не смогли удержаться от возгласов восхищения. Скучившись, они заговорщицки шептались.

– Крепкий мужик.

– Богатырь.

– То, что надо.

– Воин.

Семён молотил желваками и похвальбы не слышал. Насытившись, он поглядел на те блюда, которые так и не были тронуты, равнодушно. Губа хоть и не дура, а язык-то – не лопата. Потом парень от всего сердца возблагодарил девушек и за оказанную ему честь, и за угощение. Сёстры, улыбаясь, кивали головами. Сами-то они не ели, только делали вид. Мими тронула перстнем стол, и сосуды в обратном порядке отправились в разверстый мрамор. Фру достала из рукава ажурный платочек и принялась его нервно тереть. Старшая неспешно поднялась и, по-королевски возвысившись над столом, обратилась к послушнику. Она говорила твёрдо, с расстановкой, делая в нужных местах ударения:

– Многоуважаемый Семён Филиппович! Мы, – на этом слове она развела руки, указывая на сестёр, глядящих на Семёна неотрывно, – постоянные представители Межгалактической Общественной Организации на Земле, изучив обстоятельства, сложившиеся в данный момент времени на планете вообще и в подведомственном Вам Разумихине в частности, приняли решение ввести Вас в курс дела.

Размякший после обеда Сёмка хлопал соловыми глазами, ничего не соображая. Вся кровь вкупе с мозгами в сей момент пребывали в области желудка. «Вздремнуть бы», – он

зевнул, откинулся на спинку прохладного стула и разбросал под столом варёные ноги.

Лили продолжила:

– Проведя анализ ситуации, мы пришли к единодушному мнению, что Ваша кандидатура оптимально подходит для участия в операции по ликвидации змея.

Последнее слово шилом воткнулось в расслабленный Сёмкин зад. Парня подбросило на мраморном сиденье, как на ретивом коне. Вскочил, в груди занялся огонь, кровь закипела. Какое уж тут пищеварение!

– Что вам известно про змия?! Где его логово?!

– Спокойнее... Сначала выслушайте. Не вдаваясь преждевременно в подробности, начну с самого главного.

Симеон опустил на стул, и жилы в нём натянулись, как бечева. Сглотнул, наклонил лохматую голову, упершись взглядом в стол, бросил на мрамор кулаки и напряг слух. Лили завела руки за спину, замаячила, мягко печатая шаг. Теперь слова ложились перед парнем чётко и разборчиво, точно золотые монеты на прилавок.

– Как показала разведка, змей – это, на самом деле, змея. В данный момент тысячелетнего отрезка времени самооплодотворяющаяся особь семейства драконьих поменяла пол и готовится стать матерью. Период созревания детёнышей составляет двадцать один день. Сегодня змея заложила кладку яиц. Если гадину вместе с гадёнышами вовремя не уничтожить, то...

Лили прекратила шагать и развернулась лицом к Семёну так резко, что коса, лежащая на груди, со свистом улетела за спину. Взгляды их схлестнулись. Сощурившись, она упёрлась руками в стол, выгнула спину и вытянула шею, от чего стала походить на кошку, готовую к броску на врага.

– То что? – пробормотал столпник. Он слушал речь Лили ещё внимательней, чем воскресную проповедь, и старался не упустить ни единого слова.

– То всё... Русь постигнет воцарение династии Нагов со всеми вытекающими последствиями. Гибель родонаселения русичей. Разорение земли русской. Поэтому...

Пока Лили говорила, она истово припадала к столу, то сгибая, то разгибая руки в локтях. «Совсем как молитвенница», – подумал инок и прогнал негодящую мыслишку вон. Когда девушка смолкла, он уже смекнул, к чему идёт дело, хотя точный смысл заковыристых слов был ему не до конца ясен. Над его темечком тучей нависла большая пауза. Симеон инстинктивно заёрзал, завертел головой, как бывало на столпе, когда ливень только-только начинался, и первые капли мокро щёлкали по носу и щекам. Понимая, что от ненастья никуда не деться, он стойко дожидался неминуемого полного погружения в злобно-холодный водяной шквал. Тело уже самопроизвольно содрогалось, хотя ещё ничего не происходило.

– Не-не-не! Я – никто. Непутёвый послушник по прозвищу Неправедный. Можете у игумена Порфирия спросить. Уж он-то всю правду про меня скажет...

Между Лили и Семёном возник провал молчания. Сёстрам очень хорошо была известна человеческая природа, поэтому они просто ждали, когда парень выпустит пар. Тот разжал кулаки, растопырил пальцы и затряс ими над столом так, точно они только что угодили в кипяток. Голова, грудь, весь торс заколебался, рукава косоворотки затрепыхались, как девичьи платки в хороводе. Он возопил:

– Не могу я! Не умею подковы гнуть! Нету у меня ни меча-кладенца, ни коня буланого!

Сёстры терпеливо ждали. Послушник перестал трясти руками, сложил их на груди крест-накрест и спрятал пальцы в подмышках. Он набычился, взбугрил переносицу и, кривя

душой, ловко ввернул слова Порфирия, которые ещё вчера приводили его в бешенство:

– Рази хватит мочи простому мужику по своему хотению, да по собственному изволению змия завалить?..

Помолчав, Симеон высвободил правую руку, поставил палец торчком, задрал бороду, приподнял брови и негромко заявил:

– Это по силам только Отцу Небесному.

Не успел он договорить, как Мими вскочила, топнула ногой.

– Экий вы, Симеон Филиппович, болв...

Старшая хлопнула ладонью по столу, заглушая последнее слово. Метнула из-под бровей в сестру камень раздражения. Младшая скомкала и отшвырнула от себя платок, нахмурилась. Мими притихла и, как послушная ученица, села на место. Морща нос, она ехидно закончила фразу:

– ...бо-о-ольшо-о-ой вы человек! Одним словом – сто-о-олпник.

Фру, молчавшая до сей поры, вдруг выкатила тёплое, как летнее яблочко, слово, обращаясь к Лили:

– Почитаем?

Та кивнула. Девушка вспорхнула, подлетела к стене, приложила к ней тыльную сторону ладони. И опять поверхность раздвинулась, образовалось квадратное отверстие. Выплыла шухляда с пухлым кованым сундучком внутри. Семён подошёл помочь, рукава столпника и девы слились, взгляды тоже.

Тяжеловесная поклажа была размещена в центре стола. В сундуке оказалась Библия. Об этом послушник догадался по оттиску креста на кожаной сторонке. Но как же она отличалась от своей Острожской сестры! Размеры её были весьма велики, а вид многозначителен. Тусклые металлические углы и жуковины не были чищены, как минимум, сто лет. За многие годы фолиант приобрёл цвет святых мощей. По его краям виднелись костяные накладки с мутным слоем на поверхности. Была ли то пыль, или чад инквизиторских костров? По трём сторонам размещались тёмно-бордовые продолговатые камни, подёрнутые вековой поволокой. Четвёртый выпал, и пустая лунка показывала зубы, напоминая оскаленный рот грешника, провалившегося в ад.

Медные ремни перетянули Писание поперёк, впились в кожу. Библия была окована прочней, чем римские рабы, что влачили свою позорную жизнь в серебряных рудниках. От переплёта и палевых страниц, пропитанных жиром и кровью животных, веяло тленом. Монахи-чернокнижники, корпя над нею дни и ночи, мечтали дважды заложить душу дьяволу за право обладания тайным смыслом, сокрытым между строк. В ней, как величайший алмаз под надёжными замками, лежало Слово, спрятанное жадными до власти священниками. Никто из простых прихожан не смел читать Книгу.

Снова в ход пошёл яхонтовый перстень, замки щёлкнули – и Слово раскрылось. Вдруг пергаментные листы были подняты неведомой силой и стали переворачиваться сначала медленно и тяжеловесно, а потом всё быстрее и быстрее, поднимая ветер и пропадая из виду так же, как исчезают спицы в колесах, если телега катится с горы. Внезапно движение страниц прекратилось. Мякоть Книги распалась на две части, причём левая доля оказалась значительно толще правой. Все склонились над фолиантом, точно боясь прозевать появления самого Духа Святого из глубины, оттуда, где сгиб.

Лили осторожно тронула остриём ногтя страницу и, склонив по-птичьи голову набок, ощущала Семёна оценивающим взглядом. Она прикинула на глазок его умственные

способности и приказала: «Читайте!». Молодец проямлил: «Не хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва... Соборное послание святого апостола Иакова. Глава двадцатая, стих два». Сёстры наблюдали за реакцией парня. Брови у того полезли вверх, потянули за собой кожу век, глаза округлились и застыли, челюсть упала. На минуту наступила полная тишина, нарушаемая лишь далёким птичьим граем. Первой оцепенение прервала Мими. Она вскочила со стула, пренебрегая правилами этикета для девушек из приличных домов.

– Мерт-ва-а-а! Мертва без дел вера-то, – повторила она дважды, широко раскинула руки и слегка присела, точно собралась танцевать «верёвочку». Под платьем обрисовались растопыренные коленки. Этот понятный каждому простолюдину жест под названием «пшик» предельно ясно донёс до Симеона смысл сказанного. Пшик – это ничего, пустота, напрасный труд.

– Включайте мыслительный процесс.

– Чего?

– Думайте.

– Это, стало быть, я зря три с лишком месяца молился, аскезу держал?

Симеон почувствовал, как его ужалила обида. Но так как от неё он лишь крепчал, то, неожиданно для сестёр воскликнул: «Как так?!» – и треснул в сердцах кулаком по мрамору стола. Послышался шлепок, точно счастливая мамочка любовно прошлась ладонью по розовым ягодицам младенчика. Фру ахнула. Мими хихикнула. Лили по-доброму улыбнулась:

– Не напрасно, Семён Филиппович, не напрасно. Но молитв недостаточно. Абсолют ждёт от вас действий.

– Чего?

– Бог ясно сказал через Слово, что молитвы не работают без конкретных поступков.

– А что же делать?

– Проявлять активность.

Мими, расхаживая туда-сюда, хлестнула Семёна по щеке словами, как барчуковыми перчатками:

– Разве у вас нет глаз? Вроде бы и голова на месте. Видели написанное в Слове? Вы что, Библии не доверяете?

Симеон почесал затылок так рьяно, что лохмы, свисающие на плечи, вздыбились и нависли над глазами. Он вспыхнул, набычился, зыркнул на Мими из зарослей волос:

– Доверяю! Только раньше я этого стиха не видел.

Голос Лили как нельзя вовремя плеснул в разговор успокоительную струйку и погасил опасную искру. Она проворковала мягко, как и положено старшей сестре:

– Что ж, так бывает. Иногда человек не видит того, что находится у него перед глазами.

Обхватив себя руками, Симеон поглядывал на сестёр недоверчиво. Всё происходящее с ним выглядело весьма неправдоподобно. Он подумал, что спит в каменной ложбинке на столпе и возблагодарил Господа за чудесный сон. Ему хотелось запомнить все детали видения, чтобы потом, после пробуждения, было о чём вспоминать: и мрачные пещеры, и чудных девушек, и стол, полный снеди, и невиданную Книгу.

А Книга жила собственной жизнью. Листы снова взвихрились и опали. И снова Лили коснулась пальцем текста. Симеон, замерев, надул губы. Вдруг он ожил, прилип глазами к фолианту, налегая грудью на стол, прочёл уже не шёпотом, а в полный голос:

– Потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению. К

филиппийцам, глава вторая, стих тринадцатый.

Лили положила тонкую руку на мужское плечо. Крепкие мышцы на спине в знак протеста заходили ходуном, освобождаясь от мягкой женской силы.

– Семён Филиппович, признайтесь, как на духу: вы хотите змея уничтожить?

– Да куда мне? Не богатырь, не сдюжу. Да и кладенца у меня нету. Ни меча, ни коня буланого, – продолдонил Неправедный зазубренный урок. – Да и не могу. Ить я послушник, монашествовать вознамерен.

– Вот именно. В Вашей воле как монашествовать, так и выйти из скита. Почему бы Вам не попробовать себя в ратном деле? Потом определитесь и с родом деятельности, и с карьерой. Сейчас главная проблема – змей.

– Говорю же тебе, милая девушка, не богатырь я, – заканючил Сёмка. Ему казалось, что лучше, чем кузнец из соседней деревни, никто с гадом не справится. Он опять хлопнул кулаком по столу. – Надо в соседнюю деревню идти, звать кузнеца на бой ратный. Вот кто настоящий богатырь! Одним пальцем подковы гнёт.

Неожиданно заговорила Фру. Шелковистый голосок ласково коснулся ушей. Но то, что Семён услышал, ему не понравилось.

– Он, конечно, богатырь, но трус первостатейный и для ратного дела не годится. Представьте себе воина, который испугался летучей мыши, заполз под лавку и пищал оттуда «чур меня, чур». Это я видела собственными глазами.

И пока Неправедный соображал, где это Фру могла увидеть кузнеца, ползущего под лавку, Мими взвилась, закружила вокруг Симеона, как ласточка, взмахивая рукавами-крыльями.

– Включите логику! Человек создан по образу и подобию Божьему? Да! Богу всё возможно? Всё! Правильно я говорю?

– Всё верно.

– Тогда откуда сомнения? Когда вы, Семён Филиппович, на гору лезли, что заявили монахам? Что вы чадо Божие, и что Он вас никогда не оставит.

Думы бывшего столпника с трудом ворочались, точно их пережёвывали и никак не могли пережевать беззубые челюсти. Только что полученные знания медленно подвигали монолиты канонических догм. И, наконец, Божьи откровения уложились-таки в черепной коробке Семёна. Он вскинул голову и внезапно для самого себя раскатисто грянул:

– Пр-р-р-равильно!

Камни в ответ загудели, птицы в вышине смолкли. Сверкнув резцами зубов, Лили по-мужски потёрла руки, как будто только что состряпала выгодную сделку. Приобняв за плечи сестёр, она энергично подытожила:

– Вот и хорошо! А теперь разрешите, Семён Филиппович, продемонстрировать наши хоромы. Уверена, что Вам у нас понравится. Будьте как дома и располагайтесь по своему усмотрению.

С этими словами она повела группу из «банкетного зала» наружу, а молодец подумал: «Что тут может понравиться? Пещеры как пещеры...»

...Никогда Семён не мог помыслить, что в шаге от его «столпа» в горных недрах живёт необычайная красота земли русской. Ошарашенный гулом водопада, сбитый с ног щедрым светом, столпник присел на тёплый камень и зажмурился. После пещерной тьмы он какое-то

время был слеп, ладонь невольно прикрывала глаза, но слух уже погрузил его во что-то фантастическое. Расплющив веки, он глубоко вдохнул, да так и замер, пришибленный великолепием.

Шатёр естественного происхождения весь просвечивал, как рядно, прожжённое углями. Озерцо в центре манило, играя тенями, бликами и золотыми рыбками. Столб воды, падающий откуда-то с неба, блестел под солнечными лучами, как дамасская сталь. Отвесно ударяя в камни, он взбивал водяную пыль, сверкающую мириадами радужных искр. В носу у Семёна заципало, в горле что-то вспухло, и всё тело изнутри распёрло, точно переполненные вином мехи. Столпник задышал искристой смесью, зажурчал невольными возгласами и... прослезился. Так ему было хорошо, что душа по-птичьи затрепыхалась и запела.

По периметру шатра росли шары тровантов¹⁵ с целым выводком каменных детишек. Крупные продолговатые жеоды¹⁶ переспели и лопнули, показывая зёрна фиолетовых кристаллов. Плющ, чудом укоренившийся в углублениях камней, повсюду проложил ветвистые малахитовые тропки. Озёрный бережок был усыпан тихо светящимися опалами, и Семёну казалось, что вся пещера – это сердоликовый купол, непрерывно сочащийся солнечным молозивом.

Девушки с удовольствием наблюдали за столпником и улыбались. Им нравился этот большой ребёнок, сильный муж, простой честный человек. Они были уверены, что он справится с заданием, если, конечно, постарается.

– Вот наша купель. Здесь, Семён Филиппович, вы можете принимать ванну. А это ваша спальня, – Лили указала на небольшое отверстие, в которое можно было попасть, только став на четвереньки.

Семён рыбкой нырнул внутрь и ахнул. Небольшое, круглое, как тыква, помещение с маленьким «окошком» сверху было сплошь устлано коротко выющимися травами. Они пружинили и ласкали в полумраке сладко пахнущим сиреневым цветом. Столпник упал ничком и почувствовал себя младенцем в колыбели, которому ничего, кроме мамкиной титьки, не надо. И когда он уже почти растворился в лиловом мороке, до него донесся смех и говор сестёр:

– Отдыхайте, Семён Филиппович.

– Встретимся за ужином.

– Приятных снов.

Бывший послушник и будущий воин встрепенулся и, прогоня марь, поспешил туда, где были водопад, свет и голубая, как глаза Марфы, купель. Быстро обнажившись, Симеон подпрыгнул и вонзил гибкое тело в синеву озера. Долго плавал, распугивая рыбок, плескался, а потом, покачиваясь на воде, смотрел на парящие в воздухе радужные водяные капли и думал, что такого чудесного сна, как этот, он ещё никогда в жизни не видывал. Позже, зарывшись в травянистую постель, попытался зацепиться за хвост пролетающей мысли: «Ах, какие у неё глаза! За такие глаза я бы...», – и провалился в бездну...

...А в это время три летучие мыши, глядя из каменной расщелины в темноту, разминали крылья. Они приготовились охотиться на скальных тараканов.

– Наконец-то поем с аппетитом, а то эта человеческая еда в горло не лезет.

– Привыкай, Мими. Скоро и не таким придётся оскверняться.

– Во имя всегалактической гармонии, дорогая Лили, к пыткам подобного рода я готова.

– Фру, ты сегодня сама не своя, точно тебя заперли изнутри.

– Хи-хи! Тут всё предельно ясно: любовь-морковь.

– Ладно тебе. Грех смеяться над чужим горем. Приготовиться! Атакуем с трёх флангов.

Один, два, три. Йо-хо

Глава третья

Плаксивый апрельский день, один из тех, что так характерны для средней полосы России, погрузил город в водянистый студень и абсолютное уныние. На улицах и площадях, в скверах и парках не было ни души и, если бы не свет в окнах и витринах домов, то можно было бы подумать, что все умерли.

– Угораздило же тебя воткнуться в этот чёртов локдаун. Не могла ты, что ли, сигануть в любой другой век? Только я покинул этот двадцать первый – и вот, пожалуйста, снова то же самое болото. Ведь и ты тоже родом из него. Не надоело?

– Мими, не начинай, пожалуйста. Откуда вышли, туда и пришли. По крайней мере, окружающая обстановка не вызывает у нас таких потрясений, как у Семёна Филипповича. Я выполняю распоряжения господина куратора. Ведь ты же приняла без возражений приказ быть одной из трёх сестёр. Так сказать, женской особью. Надеюсь, и в этот раз твоё самолюбие не пострадает. Знаешь ли, мы люди подневольные.

– Люди... Хи-хи...

Две юные статные девы в крутом прикиде томились в сумрачной обшарпанной хрущёвке. Чёрные кожаные шорты поверх лосин, в тон им широкие, точно с мужского плеча, косухи, ботфорты на низком ходу, тёмные стрижки под ноль, шипованные браслеты придавали их пикантной красоте внятный оттенок агрессии. Любой, столкнувшийся в тёмном переулке с этими девушками бойцовского вида, не смог бы усомниться в искренности их намерений. Имидж соответствовал тому непростому и, без преувеличения, опасному заданию, которое выпало на их долю в данный временной отрезок.

Столпник, которого Лили настойчиво именовала Семёном Филипповичем, никак не соглашался отправляться на поиски буланого коня и меча-кладенца в Тридевятое царство, Тридешатое государство. И, хотя девицам с грехом пополам удалось вырвать у него согласие на битву с гадом, он был непоколебим в уверенности, что и меч, и конь надёжно запряганы в соседней деревне, где живёт богатырь-кузнец, гнущий подковы одним пальцем. Сёстрам пришлось, как телка на привязи, тащить парня в пункт телепортации – заброшенный колодец на окраине Разумихина. И, если бы не подбадривающие улыбки Фру, к духовному лицу пришлось бы применить волшебный пинок.

Исполнительная группа во главе с Лили удачно сиганула в передаточный пункт на пути следования к цели. Получив дальнейшие инструкции от господина куратора, они готовились к добыванию нового кода телепортации для очередного сига. Но, как это частенько бывает, что-то пошло не так. Роскошная профессорская квартира, расположенная на третьем этаже элитного дома, на карте местности обозначалась как точка сборки. Она стала прибежищем для отважной четвёрки на сутки с небольшим и была поспешно покинута, причиной чему явилась примитивная оплошность, которая по плечу только самому отъявленному остолопу.

Семён по незнанию оставил кран в ванной незакрытым в тот злополучный час ночи, когда прекратилась подача воды. Он не догадывался, что системой заведует некая человеческая сущность, которая включает и выключает водный поток нажатием кнопки. Семёна знал, что ручьи в окрестных лесах Разумихина текут непрерывно, сами по себе, никем не управляются, никуда и никогда не исчезают. Это незыблемое правило никто не смел нарушать своим неосторожным вмешательством. Он не понимал, что водные ресурсы в городах двадцать первого века весьма ограничены и требуют экономии. Оказавшись вдруг в

новой действительности, он смотрел на всё младенческими глазами, всего дичился, был неловок и нечаянно попал впросак.

Ночью команда уснула, а на рассвете кран разразился струёй такой силы, что скоро входная дверь уже сотрясалась от ударов кулаков и каблуков соседей. Звонки верещали непрерывно, на лестничной площадке раздавались истеричные вопли жильцов и ядрёный мат сантехника. Постоянное Представительство Межгалактической Общественной Организации на Земле совещалось недолго, – примерно три секунды. Оно приняло решение, что Лили и Мими отправятся на новое место дислокации, которое укажет господин куратор, а незадачливый Столпник, не обладающий сверхспособностями, в сопровождении Фру отправится следом.

Наконец, дверь под напором внешней силы распахнулась, дюжина потных мужиков и баб ввалилась в профессорскую квартиру и разом смолкла при виде бородача в окружении трёх сексапильных девах. Какая-то шарообразная тётка, по виду бухгалтер на пенсии, пропищала: «Профессор, вы дома?» Откуда было взяться в сей момент профессору в собственной квартире, если он уехал на пээмжэ в Англию ещё год назад? Пенсионерка, по-видимому, не обладая логикой, пропищала снова: «Где вы, профессор? Покажитесь». В ответ последовала тишина. Она повисла в воздухе дамочным мечом и затем под истеричный возглас «Хватай разбойников!» рухнула на головы незадачливой четвёрке, всё вокруг взвихрив. Толпа ринулась побивать симпатичных бандиток и волосатого грабителя, наскакывая на мебель и сметая всё на своём пути.

Вдруг перед их носом две девушки, быстро устремились к потолку и превратились в нечто, напоминающее пернатых. Мгновенно, так, что никто ничего не понял, крылатые создания прошмыгнули на улицу прямо сквозь застеклённое окно. Нападающие, словно наткнулись на невидимую стену. И остолбенели. Затем бросились прочь, вопя пуще прежнего. Бегущие застряли в дверях, спрессовавшись в одну живую визгливую пробку. Они молотили руками и ногами, теряя тапки, пуговицы, воротники и клочья волос. Жильцы со всех ног улепётывали от «нечистой силы», точно от неё можно было в самом деле спастись в своей спальне, укрывшись с головой под одеялом. Две клуши, парализованные ужасом, повалились на пол, точно кули с картошкой. Они лезли к выходу, мыча и цепляясь за пушистый ворс профессорского ковра, а товарки изо всех сил тащили их за шиворот. Всего через пятнадцать секунд путь к отступлению был свободен. Семён и Фру взяли за руки и, никем не притесняемые, в полной тишине покинули явочную квартиру, аккуратно прикрыв за собою дверь...

...Второй день Лили и Мими маялись в бомжеватом жилище какого-то бедолаги – то ли инвалида, ограниченные возможности которого поспособствовали чтению книг, то ли сумасшедшего писателя, по-собачьи преданного литературе. Об этом свидетельствовали высоченные – во всю стену – стопки книг, создающих вид такого себе интерьера. Владелец квартиры, как сообщил господин куратор, давным-давно покоился на кладбище. Это подтверждал многолетний слой пыли на убогой обстановке. Тем не менее, усопший имел многочисленных родичей, которые могли, как это часто бывает, совершенно внезапно объявиться, и тогда снова придётся бежать.

Жилище содержало две небольшие комнаты. В меньшей, когда-то выполнявшей роль спальни, стояла голая железная кровать. Над нею на хлипком гвозде висела плачевного вида

шестиструнная гитара, готовая в любой момент сорваться со стены. Больше в комнате не было ничего, если не считать дырявых штор с рюшами, в складках которых войлоком утрамбовалась пыль. Облупленные рамы и подоконник говорили о старом, очень старом, но прочном строительном фонде. Обои отсутствовали. Обшарпанные стены ещё в прошлом веке были выкрашены в канареечный цвет и свидетельствовали о нестандартном мышлении обитателя квартиры.

В другой комнате чуть большего размера стоял огромный круглый стол из настоящего дерева, с такими мощными ножками и столешницей, точно он был призван служить великанам, а не прогрессивным гражданам, чьих физических усилий едва хватало на вынос мусора. Рядом ютилась одинокая совдеповская табуретка. В одном из углов пряталось тощее кресло с узкими деревянными подлокотниками и провисшим, как гамак, сиденьем.

Среди этого убожества совершеннейшим чудом являлся дубовый во всю стену комод царских времён с резными дверцами и створками. Причудливые ручки в виде птичьих головок крепились к многочисленным шкафчикам, задвижкам и замочкам. Этот раритет был так забит книгами, что между ними не осталось ни единой щели – неотъемлемого прибежища для городского таракана. На верхних и нижних полках, в шухлядах для столовых приборов и белья, в застеклённом боксе, где некогда стояли винные бокалы, в секретере для деловых бумаг – везде в несколько слоёв лежала добротная, в хорошем переплёте советская литература.

Мими скуки ради рылась в содержимом библиотеки, не переставая восхищаться разнообразием книг. Каждый раз подходя к огромному, как крейсер, комоду, она повторяла с различными вариациями один и тот же патетический монолог:

– Каков раритет! А?! Шика-а-арно! Откуда этот изыск? Не был ли сей библиограф потомком дворянского рода? Ты посмотри-и-и, посмотри-и-и, это же Большая советская энциклопедия! Когда ось планеты упадёт на девяносто градусов, то интернет исчезнет, как будто его и не бывало. И тогда... Лили, ты слышишь меня? Тогда эти старые книги, отдающие желтизной, станут величайшей драгоценностью. За них будут биться несчастные сапиенсы, оставшиеся в живых. Каждую страницу, добытую в боях или найденную в руинах городов, начнут беречь, как семейную реликвию. Их спрячут в тёмных беспросветных ларях, чтобы случайный луч солнца не коснулся дражайшей святыни и не оставил на ней жёлтый след тлена. Если, конечно, в тот временной период ещё будет светить солнце. Хи-хи.

В голое окно тоскливо и обречённо глядел город. Неожиданно траурную тишину осквернил костыльный голос репродуктора: «Граждане! Во избежание угрозы возникновения пандемии новой бараносвинтусной инфекции просьба всех оставаться на своих местах по месту пребывания. В случае неповиновения к нарушителям будут применены меры всяческого воздействия».

Лили, сидевшая в кресле вся скрючившись так, что колени, задранные до головы, заслоняли ей лицо, вскочила и подбежала к окну. С высоты пятого этажа она увидела медленно ползущий по середине дороги серый, как и всё вокруг, автозак с мигалкой, сверкающей новогодними огнями. За ним следовали чёрные муравьиные фигурки с автоматами в руках.

– А-а-а... Вот и тараканы повылазили.

При этих словах Мими, сидевшая на мосластом табурете, раскинув ноги и чертя источенным кухонным ножичком фигурки на обшарпанном дощатом полу, оживилась и радостно воскликнула:

– Где тараканы? Где?

Она бросилась к подруге, пытаясь по её взгляду определить местонахождение обожаемых насекомых. Но через минуту разочарованно и сердито плюхнулась на прежнее место и, нервно ковыряя половицу, зажужжала:

– Прикалываешься? Я есть хочу! Вторые сутки без малейшего тараканчика во рту!

– Ха-ха-ха! Тебе нужно быть воздержаннее в желаниях. Ведь нас отправили на Землю не для прогулки. Дали второй шанс, даже вернули память о прежней жизни.

– Ну-у-у, это только йоги могут не есть годами. Им вообще твёрдая пища вредна. Если тебе так хочется, пожалуйста, поглощай воздух и солнечную энергию. Приятного аппетита. Но мне такая диета не подходит. Если же говорить о втором шансе, то не совсем понятно, зачем Демиург нам его дал. Было обещано, что, выполнив задание, мы продолжим жизнь на Земле в нынешних аватарах. Только что мне делать с этим шансом, если он ничего не значит без Столпника? Без него мы никто и ничто. Ведь змия только он может зарубить. Или кто-то другой из человеческой расы. А мы пока что не люди, а лишь заготовки под будущие личности.

– Да. Но на нас лежит вся ответственность. И не говори, что ты этого не понимаешь.

– Понимаю, и ещё как! Но ведь для спасения народа нужен лучший экземпляр, героическая личность. Я считаю, что Столпник не годится. Где ты только отыскала этого недотёпу? Нельзя было выбрать кого-то более продвинутого? Если бы не промах этого лохматого тьюфяка, то мы бы сейчас спокойно готовились к операции, отсыпались на мягких тёплых постелях, принимали ванну, выуживали тараканов из мусоропровода, а вечером я играла бы... играл бы на профессорском рояле при свечах и наслаждался воспоминаниями прошлого... Вот где они с Фру шатаются до сих пор?

Лили в который уже раз за последние сутки провернула перстень на среднем пальце правой руки кристаллом внутрь, приложила ладонь к уху, точно морскую раковину, и прислушалась. Потом вернула перстень в исходное положение и протяжно вздохнула. Мими сделала вид, что не услышала вдоха. Она насупилась и нервно задёрнула ноги.

– Выбор сделан путём исключения множества случайностей. Результат мог быть иной – другой человек, другая страна, поскольку у каждой народности есть свой змей. Но программа указала на Семёна Филипповича, поэтому назначение получил он. Даже наш высочайший куратор не имеет полномочий вносить изменения в алгоритмы, чтобы интегрировать вероятность. Так что, голубушка, я тут ни при чём.

– Не называй меня голубушкой! – вспыхнула Мими. Она вскочила, опрокинула табурет, истерично затопала ногами и затрясла кулачками, как испорченный пятилетний ребёнок.

– Ну, ладно, ладно... Голубчик... Так лучше? – осторожно промолвила Лили, округлив глаза и сделав ладонью мягкий успокаивающий жест.

Помолчали. Мими пригвоздила себя к табурету и продолжила ковыряние лаги с особым остервенением. Но вскоре она зло отшвырнула нож и занялась пролистыванием очередной книги, лежащей на голом столе рядом с армейскими крагами, мутным гранёным стаканом и алюминиевой миской с окаменелым содержимом на дне. Она делала это так нервно, что от взлохмаченных страниц, точно пар от пирога, поднималась густая пыль. Лили спокойно наблюдала за кипением своей подчинённой. Потом, препроводив хмурым взглядом удаляющийся автозак, задумчиво протянула.

– Да-а-а-а... Видимо не напрасно мы три года штудировали науки в классе исполнительных агентов. Телепортация, радиосвязь с верховным командованием через

галактические расстояния, прохождение сквозь стены, мгновенная трансформация телесной человеческой оболочки в мышиную и обратно. Уроки мы усвоили отлично... Вот только без применения кристалла достичь всего этого трудно. Так что, береги перстень...

Ни слова не говоря, Лили взмыла к потолку, мигом превратившись в летучую мышь и, сделав по комнате круг, выпала в окно. Через минуту она вернулась, неся в зубах маленький пакетик. Не успело крылатое создание обратиться в деву, как Мими без единого слова благодарности схватила пакет, быстро добралась до его содержимого и, кривясь, принялась уминать картофельные чипсы, приговаривая: «Ах, какая гадость... Ну, да ладно, по крайней мере хрустят, как тараканы. Хру-хру... А ты, вижу, сыта мечтами о лучшей доле. Хру-хру... Когда всё закончится, я получу-таки на почте своих пажей. Хру. Уж мы не станем сиднем сидеть, как ленивые коты, в какой-то пыльной берлоге. Мы будем охотиться со всей силой страсти! Хру-хру-хру». Пакетик быстро опустел, и настроение голодающей заметно улучшилось.

Лили улыбнулась, жестом непобедимого оптимиста потёрла руки и, подойдя к подчинённой, дружески похлопала её по плечу. Затем, выпрямившись, развернув грудную клетку во всю ширь так, что под косухой обозначились две полусферы женской груди, помужски засунула руки в карманы миниатюрных шортов. Она устремила взгляд в окно сквозь тупоумную архитектуру девятиэтажек, через затуманенный водянистым мороком город, поверх пригородных поселений с пригоршнями аккуратных домиков у реки. И дальше, туда, где заканчивается дождь и над каньоном реют орлы в блеске солнца, где лесные уголья густы, как лисий мех, где синие горы сливаются с небом, а небо – с морем, качающим на своей взволнованной груди баркасы. Потом она быстро повернулась к Мими и сказала с напряжённой энергией, как прыгун перед взятием высоты:

– Вот выполним задание и заживём на Земле в новом аватаре и в новом мире, где Свет объединит народы для созидания. Это будет так прекрасно!

Мими, пройдясь пятернёй по ёжику волос, вскочила, засверкав глазами и зубами, махнула рукой, точно сбросила наземь шапку перед храмом, и восторженно воспела Аллилую свободе и независимости:

– Что может быть прекраснее летящего вдаль байкера!?! Если в твоём харлее полный бак, а душа полна помыслов о свободе, то это значит, что жизнь не напрасна! И пока в крови эстрогена выше крыши, а мышцы тверды, как камень, тебе по плечу любые трассы и любое бездорожье! Мы вдвоём с моим ретивым другом исколесили всю Русь, и не только. Грузия, Молдова, Узбекистан, Украина. Меня повсюду принимали не хуже, чем Киркорова. А девушки! Какие девушки любили меня!

– Да-а-а... Если и есть что-то стоящее в никчёмной жизни урбанизированного мужчины, то это, несомненно, – девушки. Ну, и, наверное, свобода, хотя лично я никогда не принадлежал себе. Сначала ответственный мальчик в школе, потом лучший студент в мединституте, затем кафедра, преподавание, профессура, научная деятельность, жена, семья, дети. Вся жизнь под линеечку. А как же? Долг перед обществом, которое смотрит на тебя, стоящего на пьедестале, и даже не догадывается, какого гигантского труда стоит подобное возвышение. Гранит науки, бессонные ночи, нехватка финансов, научные гипотезы и бесконечные поиски решения задач. У других же – деньги, связи, интриги, банальное воровство чужих открытий и... смотришь, они уже с пьедестала, кратное превышающего твой, плюют на твои седины. Я знаю поголовно всех презренных дельцов от науки, а они знают, что я их знаю. Жизнь кишит паразитами. Вот и захотелось... произвести адсорбцию, так

сказать. Поэтому, когда африканские коллеги попросили помощи, я, как инфекционист, с радостью откликнулся.

Лили уместилась на подоконнике, опёрлась спиной на откос и, обхватив руками свои великолепные ноги, согнутые в коленях, стала смотреть вниз. Какая-то собака, мокрая и точно вывалянная в грязи, проковыляла к урне, сунула в неё нос и, не обнаружив ничего съестного, побрела к другой. Так она плелась без всякого успеха от одного дома к другому, надеясь добыть какие-нибудь объедки. Но урны были до безобразия чисты, ибо народ, пополняющий их, сидел по домам безвылазно. Собака медленно удалялась и, наконец, утонула в дожде. Больше на улице ничего не происходило. Тут девушка сдвинула брови и, сощурившись, попыталась через смеженные ресницы навести в памяти фокус.

– Постой, кажется, в твоём личном деле в графе «род деятельности» указано «художник экспрессионист».

– Всё верно. Что может быть лучше, чем жить жизнью свободного художника?! Минимум быта, максимум свободы! Если есть краски и холст, считай, что ты владеешь миром. По крайней мере, собственным миром. Всё что хочешь можно отобразить на куске ткани. Да на чём угодно! На какой-нибудь деревяшке, на бульжнике, на пустой бутылке. Но на полной, конечно, лучше.

Рот у Лили округлился и выразил недоумённую букву «о!». Девушка смотрела немигающими круглыми глазами, как Мими шагает из угла в угол и размахивает руками. Наконец коллега прекратила маячить, сунула руки в карманы кобухи, взглянула на старшую и прыснула:

– Хи-хи! У тебя такой вид, точно перед тобой возник динозавр. Да, я и художник тоже, и музыкант, и литератор. Зачем себя ограничивать? Всё время заниматься одним и тем же делом – это пытка похлеще инквизиторской. Пришвин сказал: «Радость жизни в её разнообразии», – и я с ним согласен на все сто. Я малевал так же быстро, как мчал на байке, а краски при этом просто разлетались во все стороны струями и брызгами. Знатoki изобразительного искусства приближали очкастые лица к моим полотнам и, уткнув острые носы в цветистый хаос, стонали: «О-о-о! Гениа-а-ально! Это новый Поллок. Нарочито вульгарное сочетание красок – явный Матисс. Ах! В компоновке цветовой гаммы и стремительности линий проявляется незаурядная личность автора». А я крутил пальцем у виска и думал, что все они чокнутые, если принимают пятна и подтёки, которыми я щедро сдабривал дырявые тряпки, за подлинное искусство.

История моих холстов примитивна до неприличия. Сначала из экономии, а после для прикола я собирал на задворках овощного магазина ветошь, в которую превращались многожды употреблённые мешки. Не стараясь придать им хотя бы прямоугольную форму, я марал их самыми дешёвыми бытовыми красками. В течение пятнадцати минут «шедевр» был готов. За такое дурачество хорошо платили. Иностранцы раскупали моё наглое тряпье и заказывали новое. Но потом мне это наскучило, и я послал всех к чёрту. Всех – коллекционеров, искусствоведов, музейщиков, поклонниц. Я просто завёл байк и умчал навстречу ветру. И, кстати, вовремя, потому что вино и сомнительные друзья начали меня одолевать.

– Завидую, – вздохнула Лили, – такой насыщенной жизнью можно гордиться.

– Жизнью – да, но не смертью. Она у меня была дурацкая. Когда я достиг возраста Христа, то решил уединиться в лесу, у озера, подальше от города. Захотелось тихой жизни. Обзавёлся подругой и маленьким домиком у озера. Мы были абсолютно счастливы: удили

рыбу, плавали, носились по лесу, читали умные книги, играли на рояле в четыре руки и даже пописывали тексты, которые самоуверенно считали весьма неплохими. Когда я хотел было уже всерьёз заняться литературой, мне вспомнились слова Чехова: «Бездарен не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто их пишет и не умеет скрыть этого». Я не хотел потратить бездну времени, сидя за столом, и вкладывать титанические усилия в мизерный талант, чтобы в конечном итоге стать настоящим графоманом. Так было и с музыкой. Когда-то я подавал надежды, но... Короче говоря, через год счастливой жизни мне снова всё осточертело, и я удрал от тишины, книг, музыки и любимой женщины.

Мими смолкла, вздохнула, уронила голову. Лили тактично молчала, ожидая окончания рассказа. За окном снова гнусаво загудел транслятор, нагоняя тоску. Грустный день, как тяжёлый больной, страдальчески чах и умирал. Казалось, ещё немного, и его опустят в могилу вместе с живыми людьми, запертыми в бетонных клетках. Неожиданно на улице зажглись фонари, чему Лили удивилась и обрадовалась.

– Ну, вот, уличное освещение заработало. В кране есть вода. Отопление, правда, на нуле, но зато электричество не обрезано, можно зажечь лампочку.

– Давай ещё немного посидим без света. И давай, в конце концов, познакомимся, сказала Мими и, подойдя к старшей, протянула руку, – Сергей.

Лили обхватила ладонями тонкую кисть, затрясла её, кивая головой и улыбаясь:

– Михаил Иванович. Очень, очень приятно. Ты, Серёженька, не переживай, Семён Филиппович и Фру выпутаются из любой ситуации. Обязательно.

Глядя на то, как утонувшие в дожде фонари отчаянно подавали признаки жизни, слабо обозначившись двумя идеальными шеренгами мутных пятен, Мими спросила:

– Слушай, Михал Иваныч, как тебе в женском аватаре, костюмчик не жмёт? Хи-хи. Мне вот как-то не комильфо. Нервный тип с шилом в заднице и без определённой цели, не способный нигде нагреть себе место, в теле юной альтруистки – это гендерный конфликт. Излишняя чувствительность мне понятна, поскольку я – сплошная натянутая струна. Но потребность в пажах – это что, недостаток поклонников в прошлой жизни? Я выписал... выпи-са-ла новую партию ушанов и желаю её получить во что бы то ни стало.

– Нет, несколько не жмёт, аватар как на заказ шит, никакого отторжения. Я даже испытываю профессиональный интерес к тому, что чувствуют дамы в той или иной ситуации, и сравниваю со своим мироощущением. В прошлой жизни я так до конца и не изучил организм слабого пола, не услышал его глубинных струн. Теперь мне точно известно, что лечение одного и того же заболевания у мужчины и женщины не может быть одинаковым в силу различной психосоматики. Выражение «все болезни от нервов» верно на сто процентов. Вот только нервная организация у полов разная, а это в медицине не учитывается. Женская значительно тоньше и ярче... А что случилось с тобою? Как ты оказался на небесах?

– Давай сначала ты.

– Ну, хорошо. Как я уже сказал, африканские коллеги пригласили меня в качестве инфекциониста поспособствовать в борьбе с эболой. Я этим ужасно заинтересовался, так как имел под своим началом от Министерства здравоохранения лабораторию. Мой коллектив воспринял приглашение с большим воодушевлением. Ведь опыт, полученный на полях сражений с неизведанным вирусом, стал бы трамплином для новых идей и экспериментов. Ребята окружили, жали руки, благословляли на «дело ратное». Это взбудоражило, захлестнуло с головой. Никогда не забуду их лиц! И я решил лететь.

Проформы ради мы писали отчёты о банальных штаммах гриппа, но втайне изобретали средство от всех абсолютно болезней. Я планировал рассекретить наше открытие, которое защитило бы Центральную и Западную Африку от эпидемии. Супруга держала двери и кричала: «Ты полетишь только через мой труп! Дикари съедят тебя!». Но я, в буквальном смысле этого слова, перешагнул через неё, лежащую в истерике у порога, и помчал в аэропорт, прижимая к сердцу драгоценный чемоданчик. Если бы я поступил иначе, то перестал бы себя уважать.

Самолёт приземлился за час до симпозиума, на который я тут же отправился со встречавшей меня делегацией врачей, фармацевтов, дипломатов, журналистов. С огромным вдохновением я читал доклад. Он произвёл фурор. Профессура, представители правительства, общественность, пресса, телевидение – все были на взводе и, как губка, впитывали информацию. Зал аплодировал мне... не мне, нам, – стоя. Боже правый! Это был лучший день в моей жизни. И пусть не врут потребленцы, эти тупые ходячие колбасы, надутые висцеральным жиром, что счастье неуловимо и необъяснимо. Я испытывал его по-настоящему, физически! После конференции меня буквально носили на руках! Потом ещё в течение получаса я давал интервью всем, кто хотел его получить. На банкете меня потчевали по-царски. Бессонная ночь, усталость от перелёта, нервное напряжение дали себя знать, и мне пришлось откланяться. Как только я добрался до номера гостиницы, то, не раздеваясь, упал на кровать и уснул, как убитый... а утром не проснулся. Среди ночи моя душа, блуждающая по гостинице, видела людей в масках, как они крадучись пробрались в мой номер и стащили заветный чемоданчик.

Мими слушала, подперев ладонями голову. Она вздохнула, шмыгнула носом и потупилась. Лили спрыгнула с подоконника, подошла к подруге и, потискав её за плечи, промурлыкала в манере сказочника Оле-Лукойе, подытоживающего историю, в которой, как обычно, всё заканчивается очень хорошо:

– Не грусти, дружок, я сделал то, что хотел сделать – отклонился от траектории, прочерченной для меня под линеечку от самого рождения. Когда мужчине далеко за пятьдесят, то хочется немного пошалить. Кажется, мне это удалось! Жена, насколько мне известно, в конце концов возгордилась мною и теперь хранит все журнальные вырезки, где упоминается моё имя. А дети... Серёжа, у тебя есть дети?

– Нет у меня ничего. Прожил жизнь впустую. Сына не родил, дерево не посадил, даже дом построил не я. Занимался подражательством, ни в чём не достиг совершенства, никого не спас. И погиб нелепо в результате ДТП... А что написано в моём личном деле?

– Преждевременный переход в небытие вследствие проявления экзальтации, превышающей нормы допустимого порога, что привело к потере контроля над автотранспортным средством и внезапному отделению божественной субстанции от повреждённой материальной оболочки. Там ещё указан твой инвентарный номер, но я его забыл.

Лицо Мими выразило сначала недовольство, потом удивление, а потом она безудержно расхохоталась. Согнувшись в три погибели, девушка конвульсивно выдавила:

– Ока... Ока... Оказывается там... Ха-ха-ха-ха! – она направила указательный палец в потолок. – Есть свои крю... крючко... творы. Вот это да! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха! – подхватила Лили.

Полный жизни смех щедро и солнечно разлился в заброшенной мрачной квартире. Голоса весело зазвенели вопреки тяжёлому, как гранит, небу, придавившему город вместе с

бараносвинтусом и жителями, молча дрожащими от страха. Не умолкая, Мими подскочила к стене и клацнула выключатель под толстым слоем липкой грязи. Над столом загорелась неожиданно яркая лампочка без абажура. То, что она оказалась в рабочем состоянии, и сам факт её наличия в патроне удивил сестёр больше, чем собственное пребывание на Земле. Это развеселило их ещё больше. Девушек совершенно безосновательно охватило прекрасное расположение духа. Отдышавшись, Мими спросила:

– А что такое наша Фру? С виду этакая гимназисточка, при виде мужчины краснеет, как девственница, а на деле... Помнишь, как она крысам головы отрывала, когда эти серые паршивцы с северного склона горы ринулись на хлебные пажити.

В памяти возник крысиный поток, хлынувший в ущелье. Серая кишащая масса на глазах росла, захватывая новые уровни. Они приближались. Они исторгали запах клоаки и шум. Этот звук, ни с чем не сравнимый, парализовал мысли. Казалось, подземные тоннели, катакомбы и пещеры в один миг разверзлись и выдавили застоявшийся, густой, пузырящийся со свистом и бульканьем гной – весь крысиный род – в отместку людям и всему живому за чувство страха и омерзения к этим тварям. Мими помнила, как у неё шерсть встала на загривке, как она хотела крикнуть: «Сёстры, беда! Крысы идут!», – но не смогла выдать ни слова. Лишь тупое мычание вырывалось из её горла. И вдруг! Фру, сложив крылья, с высоты врезалась в гущу крысиного потока. Она в ключья разрывала зверьков, вспарывала им зубами глотки и мчала по серой живой поверхности, отыскивая главаря. И, когда он был ею схвачен, она, вся мокрая от вражеской крови, взвилась со своей добычей высоко в небо и скрылась в облаке. Без предводителя грызуны в панике разбежались, крысиный поток точно сквозь землю просочился.

Вдруг Лили напряглась и замерла, прижимая палец к губам: «Ш-ш-ш... Кажется, идёт вызов», – и принялась лихорадочно тереть кольцо.

А пока она ловила сигнал, Мими насупилась, скрестив руки на груди, и в свойственной ей ехидной манере пробурчала себе под нос: «Опять этот надоедливый господин куратор будет уже в пятый раз читать вводный инструктаж, который мы и так знаем назубок. Огнестрельное, холодное, биохимическое оружие не употреблять. В рукопашной схватке применять русский стиль. Стрижки – под ноль, руки – в браслеты мяо, ноги – в ботфорты со стальными каблуками и мысками, рубин – на палец правой руки, гребень – в левый верхний карман косухи. Что ещё? Макияж в стиле «ночных бабочек». Хранилище боевых летучих мышей в нише арки сквозного дома, второго справа от места дислокации. Жертв и тяжёлых увечий среди населения не допус...».

– Фру! Семён Филиппович! Вы где!? – закричала Лили так, что стёкла окон и комода зазвенели.

Глава четвёртая

...Городские улицы напомнили Фру камбоджийские джунгли. Те же безлюдье и тишина. На поверку мир и покой скрывали в себе вражеские засады и заминированные тропы. Со дна памяти выплыл голос из прошлой жизни. Военный инструктор по боевой подготовке в образе стриженной революционерки грозно кричала: «Товар-р-рищи! Никогда не теряйте бдительности, иначе враги вас убьют! Вы должны защищать себя любым возможным способом. Да здравствует непобедимая революционная армия Кампучии!»

Фру вся подобралась, напряжинилась и, точно гончих с поводков, отпустила стремительные взгляды в подъезды, в окна, в закоулки и на крыши домов, где мог скрываться противник. Она поминутно оглядывалась на Семёна, смотрела в его удивлённые глаза, на младенчески пухлый рот и думала только о том, как побыстрее в целости и сохранности доставить этого несмышлёныша на место. Настроив внутренний навигатор, девушка направилась по адресу, который старшая передала ей по нейроволновой связи.

Она тащила своего спутника, экипировкой и волосатостью похожего на рокера, как малого ребёнка за руку. Тот, вращая головой и круглыми глазами, тормозил её вопросами:

– А это, чай¹⁷, пещерные монастыри?! Ого сколько их! Подобное я видел на рисунках святых манускриптов, что хранятся в Разумихинском скиту.

– Пещерные монастыри? Ты о чём?

– Я о тех, что обустроились в Крыму, на священной горе Чильтер. Да ныне уж нет тех святых обителей, порушены басурманином Османом в конце пятнадцатого века от рождества Христова. Скалы там такие же высокие, только энти кем-то отёсаны. И переходы меж келий похожи, да только не совсем. По тем ступать надобно с оглядкой, чтобы не споткнуться на колдобинах. А эти – ладные, ровные, что тебе мостовые. А окна-то, батюшки светы! Таких косячатых¹⁸ окон и в боярских-то покоях нетути. Видать, велелепные¹⁹ люди тут обретаются.

– Это никакие не горы, а обычные дома, жилые квартиры для простых людей. На одну семью положено две-три комнатухи, санузел и кухня два на два. В одном таком доме прописаны тысячи человек. И нет здесь никакого велелепия.

– Неужели в этих кельях, то есть ква... квартирах живут трудари? Обыкновенно народ строит деревянные избы на просторе, у реки, подле леса. Что же он, этот простой люд, и хозяйство держит в квартирах?

– Никто хозяйство не держит, всё покупают в магазинах с доставкой на дом. Это же город.

Шагая по улице, как по дну ущелья, по обе стороны которого вздымались отвесные громады высоток, Семён дивился, точно младенец, всему, что попадало в поле зрения, и невольно притормаживал. Со стороны могло показаться, что девушка тащит «на буксире» хмельного парня, впавшего в нирвану, а тот тычет пальцем во всё подряд.

Послушника удивляли впаянные в бетонное покрытие деревья; ограждения, хищно впившиеся железными зубами в тело земли; на фасадах спутниковые тарелки полные эфирной грязи; фитили антенн 5G, готовые в любой момент спалить хрупкое спокойствие горожан; блестящие витрины со своей бесстыжей базарной роскошью в мертвенном городе; скамейки пустые без трухлявых стариковских костей; киоски, осиротевшие в отсутствие пицц, хот-догов и рабов желудочного бога; на фоне неба растяжки измазанные бело-голубой партийной краской...

– Почему эта дорога такая гладкая, точно её рублём²⁰ раскатали?

– Это ненадолго. Обыкновенное асфальтное покрытие в один слой. Она такая гладкая потому, что новая. Президент распорядился отремонтировать все дороги в России.

– Значит, и в нашем Разумихине тоже такие сделают?

– Нет. Не знаю.

– Куда она ведёт?

– К новому пункту дислокации.

Рассвет – этот измаявшийся в предбаннике малец – топтался в ожидании, когда откроются двери, за которыми либо хохочущее солнце, либо зажмуренное небо. Показатель погоды, по выражению гипертоников, «скакал», и было неясно, чем порадует нынешний денёк. Фонари ещё не погасли и на последних минутах своей жизни выдавливали пол чайной ложки никому не нужного освещения.

Утро было на подходе. Парочка нарушителей не могла оставаться незамеченной. Фру резко прибавила скорость. Столпник, сбиваясь с шага на бег, последовал за нею, нарушая тишину. Камелоты загрели по дорожному покрытию, вещмешок с мельничьей одеждой и сапогами, постукивая и поскрипывая, затрясся на кожаном заплечье.

Семён всё не унимался. Ему хотелось этот странный город сравнить с тем, в котором он родился и прожил первый десяток лет, но не находил ничего схожего. Пыхтя на бегу, послушник тормозил девушку, не замечая её тревоги:

– В русских городах люди живут не в таких... клетях. Господа – в теремах... Ремесленники – на подворьях... Всюду простор и красота... Это, знать, не русский город... Что скажешь, Фру?

– Можно и так сказать. Простор и красота, Сёма, это было ещё до змея, пока гады не расплодились, как тараканы на продуктовом складе. Но ты не робей. Сначала разбудим самосек и боевого жеребца. Потом отправим тебя на четыре столетия назад, в твоё Разумихино, в стан агрессора. Ты вступишь в бой с врагом и уничтожишь его. И тогда, по закону квантовой физики, время обратится вспять, прошлое будет изменено, история России примет совсем иное направление. Счастливое!

– Ух, ты-ы-ы!.. Правда, что ли?

– Конечно. Поэтому наша межгалактическая группа здесь – тебе помогать.

– И много этих... гадов в городе?

– Тьма тьмушая. В каждом чиновничьем кабинете, в каждом министерском кресле, в каждой партийной шайке и под каждой униформой. Давно уж отродье змеиное русичей душист и поедом ест.

– Готов драться с гадом за каждую пядь²¹ земли до последней капли крови! – раскатисто прогремел послушник и ударил кулаком в грудь. Она глухо отозвалась, точно земля под печатным армейским шагом.

– Не гадом, а гадиной. Не забывай об инкубационном сроке выводка, в нашем распоряжении девятнадцать дней. Два из них уже прохлопали ушами.

Семён всё больше проникался ответственностью за судьбу Руси. Он насупился и напряжённо засопел, осознавая важность своей миссии. И тут перед его очи, как из-под земли, выскочили три огромных, с него ростом, безусых мураша. Именно такое определение житель семнадцатого века успел дать чёрным человечкам с буквами ОМОН на спине. И больше он ничего не успел, потому что в несколько секунд его удивлённое сияющее лицо было опрокинуто на асфальт под харкающий лай «мурашей»:

– Стоять на месте! Ты нарушил самоизоляцию, которая тебе предписана в результате подозрения на предположение угрозы пандемии сто тридцать второго штамма бараносвинтусной инфекции. Ты имеешь право на звонок и адвоката, – протыкал на одной ноте первый.

Второй схватил оторопелого, ничего не соображающего Столпника за грудки и, ёрнически лыбясь, прорычал ему на ухо по секрету:

– Ты – физлицо, а потому – преступник. Забудь о своих правах по-хорошему. А то мы тебе покажем третью статью Конституции. Гы-гы-гы!

– Вали его! Мордой в землю! Вяжи преступника! – разразился третий истощенным брехом.

Скучившись вокруг Столпника, «муравьи» не обратили на Фру никакого внимания. Ангельское личико, цыплячья шейка, тощий экстерьер, подростковая бейсболка на лысой голове, очевидно, не были ими восприняты всерьёз. И напрасно.

Девушка-воин всегда и при любых обстоятельствах мгновенно включается в боевую операцию. В один миг, поделённый на тысячу миггов, мушиным замедленным зрением Фру видит, как первый омовец, схватив Семёна за плечи, выполняет подсечку, и парень плавно летит животом вниз. Второй сгребает пятернёй гриву на затылке жертвы. Девушка наблюдает, как рука в армейской краге запускает растопыренные пальцы в русые пряди послушника, неспешно сжимается и натягивает их, точно вожжи на строптивном рысаке. Тело Семёна кольшется, тягуче изгибается янычарским луком, затылок на тряпичной шее отваливается за спину и прилипает к холке, через разверстый рот катится протяжное задавленное: «А-а-а-а-а!» Третий защитник порядка вальяжно запускает руку в карман с наручниками, и, пока они не защёлкнулись и послушник всё ещё пребывает в свободном парении, девушка-воин швыряет от плеча в голову первому омовцу кулак, который летит со скоростью воздушного шарика и нескоро достигает цели. Под пятипалым булыжником осколки забрала опадают, подобно цветочным лепесткам. Глаза лейтенанта – чахоточные плевки с кривыми подтёками – постепенно стираются, а на их месте возникает и ширится дыра, фонтанирующая чёрным. Одновременно с этим девушка-воин выбрасывает левую ногу и медленно сшибает стальным каблуком набалдашник со второго. Каска вместе с головой проплывает, обгоняя Семёна. Руку боевика сводит предсмертная судорога, он не отпускает волосы своей жертвы. Безголовое тулово сначала висит, а после ложится на спину Столпника, придавая тому слабое ускорение. Последнее, что выполняет девушка-воин – наносит удар третьему. Железный мысок сапога неспешно продырявливает пах гвардейца насквозь. Тот мучительно долго сворачивается улиткой и с бешеным воем ползёт за кулисы. Занавес.

Стоп! Не годится. В мозг вонзился строгий голос господина куратора: «Смертельных случаев и серьёзных увечий среди населения не допускать». Что делать? Что делать? Запрос послан, в голове Фру включился бесконечный каталог задач и решений, мелькающих, как цифры в игровом автомате. Прошла секунда, вторая, третья. Семён повержен, над ним куча мала, замелькали дубинки. Момент упущен, русский стиль не применить. Не дожидаясь результата запроса, Фру принимает решение использовать кристаллически-волновой удар. И она ударила. Быстро вытянула руку с зажатым кулачком. Прицелилась. Перстень трижды коротко вспыхнул красным огоньком – «пиу, пиу, пиу». Три чёрных болвана полетели в разные стороны, кувыркаясь в воздухе в виде жонглёрских кеглей. И в тот же миг Фру познала зубы зверя. Шокер впился в боковую жилу шеи и дважды прозудел: «З-з-з-з. З-з-з».

В мышцах, сосудах, мозгу, в каждой клетке кровь вскипела и устремила по природным

законам электролитов из тела вон. Взамен ей из адовых жерл потекли сталеплавильные реки, выжигающие всё на своём пути. Болевые точки взорвались, нейроны заклинило. Предохранители, призванные предупреждать перенагрузку, отключились. Последнее, что увидела девушка-воин, прежде чем сознание покинуло её, это голова командирши с короткой стрижкой под кепкой. Военный инструктор из прошлой жизни приблизил узкие глаза к носу межгалактической особы, сердито глянула и гаркнула: «Товарищ Лин, никогда не поворачивайся к врагу спиной!»

Фру очнулась в автозаке, открыла глаза и первое, что она увидела – свирепое лицо Столпника с пурпурным бланшем под левым глазом и рассечением на правой скуле. Рана была довольно серьёзная, она кровоточила, алые капли медленно ползли из распоротой щеки во вздыбленную бороду. Глаза, а точнее сказать, глаз расплёскивал из-под нависших бровей ярость. Он был чёрен и страшен из-за расширенного зрачка. Второй почти скрылся под пухлой гематомой. Волнистые волосы парня стояли стоймя, как намагниченные.

Семён увидел, что Фру завозилась, и тут же бросился, чтобы поднять и переместить её с днища на одну из трёх скамей, что стояли вдоль кузова. Он, плюхнувшись на колени, пробовал плечом, как рычагом, поддеть подругу под спину, придать ей вертикальное положение. Но это выходило плохо. У обоих руки были в наручниках, причём за спиной. Они какое-то время копошились, точно два слепых щенка. Фру быстро пришла в себя и, развернувшись к послушнику спиной, пошевелила затёкшими пальцами.

– Сёма, перстень ...

– Они забрали его. Гады!

– Да, – уныло проговорила Фру, – тут всё вокруг кишит гадами.

Она пригорюнилась было, но оглядевшись и оценив сложившуюся ситуацию, принялась сосредоточенно сочинять план действий. В тёмном коробе грузовика она разглядела ещё троих: рослого, широкоплечего, высушенного, как Аральское море, старика с доисторическим картузом на сивой голове и двух девчушек-подростков, пугливо таращивших глазёнки в зарешёченные оконца-бойницы тюремной будки. На мужчине тоже были «браслеты», с той лишь разницей, что руки находились впереди. Для него это был, хоть и косвенный, но всё-таки обнадёживающий признак. Запястья же спасителей человечества силовики предусмотрительно сковали за спиной. Как говорится, от греха подальше.

Бойцы ОМОНа рассудили так: «Мало ли что эта бритая каналья может выкинуть в следующий раз, если одним только нежным движением своего пальчика она раскидала вышколенных дьяволов из группы захвата, готовых по сигналу в ухо не только любого согнуть в рог, но и закатать в асфальт. Да и бойфренд её оказался не прост. По первоначальному был, что овца на выпасе, а потом вдруг активизировался и давай кулаками махать. Пришлось поставить ему на фейс пару примочек. Мужик заслужил уважение, бился клёво, хоть и без малейшего шанса. Задача была проста – наматывай лохмы на кулак и мочи с оттяжкой. И, если бы координатор не дал «отбой», то везли бы его сейчас не в автозаке, а в труповозке на законных обоснованиях – оказание сопротивления при задержании».

Грузовик, не снижая скорости, заныривал за повороты так лихо, что арестованные катились кубарем с одного сиденья на другое. В окошке, отделяющем узников от правоохранителей, возникала красная рожа и глумливо, в зэковском стиле, с хрюканьем и гиканьем, ржала. Особая веселуха воцарялась в кабине, когда машина на всём ходу

проскакивала «лежачего постового». Тогда пленники взлетали к потолку, а красномордый багровел ещё больше и закатывался гомерическим хохотом. Девчонки, забившись в угол, глядели на мерзейшую харю с ужасом. Старик несколько раз поворачивал худое арийское лицо в сторону насмешника и смотрел сурово, как школьный директор на школьного недоросля. Потом он перестал обращать внимание на издёвки блюстителя, обвёл присутствующих взглядом и озвучил общее мнение:

– Да, ребята, они – самые что ни на есть гады... Я эту нечисть в рядах Красной Армии гнал до самого Берлина! Бил и давил вот этими руками! – яростно отчеканил мужчина, потряс кулаками под аккомпанемент наручников, скрипнул зубами и весь завибрировал. – Воевал за свободу, за Россию, за будущее детей. Отлично понимал, за что на смерть иду. А вот теперь никак не могу скумекать, Русь нынче чья, Китайская или Английская?

При этих словах Столпник, сидевший съёжившись, вскинулся, расправил плечи, поднял на старика гневно сверкающий глаз, разнял слеplенные кровью губы, и загремел, заметно выпячивая великоросскую букву «о»:

– Человече, негоже тебе такие речи держать! Русь – Богом данная нам земля, она – матушка, кормилица, мы её никаким англичам или китайцам, прости Господи, не отдадим! – при этом послушник по привычке поглядел по сторонам, ища угол с образами, и дёрнул правой рукой со сведёнными в щепоть пальцами. Тщетно. Отдать Богу Богово не вышло, и он ещё неистовой засверкал глазом.

На слова Семёна красноармеец ответил пронизательным взглядом, но сказать ничего не успел, потому что автозак вновь заплясал с подскоками и грохотом. Уже трижды весельчак из водительской кабины светил сквозь gratы раскалённым рылом на несчастных невольников. Школьницы летели от одной стороны грузовика к другой, визжа и скребя пальчиками по сиденьям. Парень и девушка соскальзывали с лавки на пол, беспомощно барахтались, а потом, изловчившись, вскакивали. Они пытались сохранить равновесие, стояли набычив головы, с широко расставленными ногами и полусогнутой спиной.

Ветеран, уперев колени в ребро супротив расположенного седалища, ловко сохранял устойчивость. Это было не удивительно, при его-то росте. Он всё смотрел на Столпника испытующе. Старику казалось, что молодой человек родом из другого мира. Необычная речь, патриотизм в чистом виде, без примеси современной шелухи, оставляли на парне отпечаток нездешности.

– Что ж, паря, твои сыновние чувства к Отчизне меня порадовали. Но ты ещё слишком молод, а я почти сто лет прожил, знаю, что говорю.

– Всего сто лет? – пробасил послушник, в который раз умащиваясь на лавке рядом с подругой. – У нас в Разумихине народ живёт по триста лет с гаком. Так что...

Фру пырнула Семёна локтем в бок, и тот прикусил язык.

– Ха-ха-ха! Ну, ты меня рассмешил. Разумихино – это из какой сказки?

– А это шутка, просто шутка, – поспешила исправить ситуацию девушка и фальшиво улыбнулась.

Парень увидел, как её лицо вдруг изменилось, стало похоже на мордочку летучей мыши с клыкастым ртом. Он тоже двинул подругу локтем. На её лысой голове, лишённой бейсболки, как-то сразу стали выделяться остроконечные уши, неестественно крошечный подбородок и сплошь тёмные, без белков, глаза. Смятый головной убор, под козырьком которого она скрывала инопланетные признаки, валялся в углу, поднять его с пола, а тем боле надеть не представлялось возможным.

Парочка притихла и опустила лица в пол, стараясь приглушить пристальное внимание собеседника. В полумраке, видимо, никто ничего не разглядел. Старик поправил скованными руками картуз и вздохнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5e1>

notes

Выдень – будний день.

Срачица – исподнее бельё.

Курник – пирог с курицей или индейкой.

Ботвинья – холодный суп на отваре из кваса и свекольной ботвы.

Тельное – рыбная котлета с грибной начинкой.

Подовый – испечённый на горящих углях в печи.

Шанежки – ватрушки.

Хворост – хрустящее сладкое печенье.

Сыть – горячий или холодный настой на ягодах, травах, мёде и пр.

Горище – укр. чердак.

Сбитень – стародавний славянський гарячий напйток с мёдом, травами и пряностями.

Ендова – старинный большой открытый сосуд для розлива вина, пива, мёда на пиршествах.

Ставец – чашка с крышкой для жидкой пищи.

Стоян – столовый прибор в виде блюда, чаши или корзинки на ножке для изысканных кушаний.

Тростники – каменные шары, способные расти и размножаться почкованием.

Жеода – овальное или круглое геологическое образование, наполненное изнутри кристаллами драгоценных камней.

Чай – срослав. надеюсь.

Косячатое окно (красное окно) – в старину большое, парадное, застеклённое окно с рамой, украшенной резьбой.

Велелепный – старослав. соединяющий в себе красоту и величие, великолепный.

Рубель – старинное приспособление на Руси для глажки белья.

Пядь – древнерусская мера длины, равная расстоянию между раздвинутыми указательным и большим пальцами.